

Н. А. ЗЕВАХИНА

**СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ***

1. Введение

Работа посвящена корпусному анализу восклицательных конструкций с местоимениями *какой*, *сколько* и *кто* в синтаксически подчинительных контекстах, например, (1)–(5):

- (1) *Если бы вы видели, с каким восторгом хозяйка рассказывала его 150-летнюю историю!* (Н. Щербатов-Коломин. Березовое чудо // «Народное творчество», 2004);
- (2) *Вы даже не представляете, кто приходит ко мне на поклон!* (А. Снегирев. Вера, 2015);
- (3) *Удивляюсь, с какой остротой и как полно пронес через жизнь Миронов все богатство своих детских впечатлений!* (Б. Миронов. Скобаренок. О Борисе Миронове и его книге, 1999);
- (4) *Трудно рассказать, какое ликование поднялось в Тиме!* (В. Крапивин. Трое с площади Карронад, 1979);
- (5) *Нашел кому верить!*

Настоящую работу мы видим как шаг на пути к определению того, правомочно ли говорить о синтаксической подчинимости восклицаний в русском языке. На наш взгляд, окончательный ответ на этот вопрос могло бы дать диахроническое исследование. Мы же, обладая доступом лишь к синхроническим данным, ставим себе более скромную цель: приводим косвенные свидетельства в пользу отрицательного ответа на указанный

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

вопрос. На пути к этому выводу мы последовательно отвечаем на следующие вопросы:

- 1) Есть ли однозначный набор критериев, по которому можно определить тип восклицательной конструкции?
- 2) Каково совместное частотное распределение матричных предикатов (а именно их лексем и грамматических форм) и подчиненных клауз, вводимых местоимениями *какой*, *сколько* и *кто*? Позволяет ли это говорить о превалировании каких-либо лексем или форм предикатов в контексте подчиненных клауз с определенным местоимением? Можно ли сделать аналогичный вывод в отношении целого лексико-семантического класса таких предикатов? В работе будут рассмотрены предикаты следующих лексико-семантических классов: перцептивные, ментальные, эмотивные, речевые предикаты и предикат *найти*.
- 3) Находится ли лексико-грамматическое распределение предикатов в соответствии с гипотезой расподчинения¹ (insubordination hypothesis [Evans 2007; Koenig, Siemund 2013])? Эта гипотеза состоит в том, что синтаксически независимые восклицания возникли вследствие расподчинения ряда синтаксически подчиненных конструкций с вопросительными местоимениями.

Указанная последовательность вопросов диктует следующую структуру работы. В разделе 2 обсуждаются имеющиеся в литературе и некоторые новые критерии, на основе которых предлагается классификация восклицательных конструкций. В разделе 3 приводятся данные о количественном распределении матричных предикатов различных лексико-семантических классов и подчиненных клауз с местоимениями *какой*, *сколько* и *кто*. Раздел 4 посвящен содержательному обсуждению этих данных. Раздел 5 подводит итоги настоящего исследования.

2. Типы восклицательных конструкций и критерии их выделения

2.1. Типы восклицательных конструкций

Подходов к изучению восклицательных конструкций на сегодняшний день довольно много; при этом основными, пожалуй, можно считать [Michaelis 2001; Zanuttini, Portner 2003; Rett 2011; Nouwen, Chernilovskaya 2012; 2015]. Вне зависимости от подходов практически все исследователи сходятся во мнении, что определенное подмножество восклицательных конструкций содержит следующий семантико-прагматический компонент: реальная степень d' на шкале признака X (значительно)

¹ Мы благодарим анонимного рецензента за предложенный перевод англоязычного термина insubordination.

больше ожидаемой говорящим степени d на шкале того же признака X , т. е. $d' > d$ (см. также критерии выделения восклицаний ниже). Так, в примере (6) реальная высота дома превышает высоту, ожидаемую говорящим. Аналогично, в примере (7) реальная скорость бега описываемого индивида превышает скорость, ожидаемую говорящим.

(6) *Какой высокий дом я вчера видел!*

(7) *Как он быстро бежит!*

Конструкции вида (6)–(7) мы предлагаем называть *эксclamативными конструкциями*, или *эксclamативами* (exclamatives)².

Помимо них существуют *восклицательные конструкции* в широком смысле, или *восклицания* в широком смысле (exclamations), такие как (8)–(11). В них указанный выше семантико-прагматический компонент отсутствует.

(8) *Папа приехал!*

(9) *Молодец!*

(10) *Подойди, пожалуйста!*

(11) *Что ты ему сказал!?*

Среди *эксclamативов* выделяются *специализированные эксclamативы* (см. (12) и подробнее раздел 2.4).

(12) *Какая она умница, что не поехала в Гагры!* [Крейдлин 1994: 62].

Ниже приведены основные критерии выделения *эксclamативов*: семантические, интонационный и лексико-синтаксический. Семантические критерии основаны на свойствах *эксclamативов*, представленных в работах [Michaelis 2001; Castroviejo 2006; Zevakhina 2013], в то время как лексико-синтаксический и интонационный критерии, строго говоря, нигде специальным образом не формулировались³.

Прежде чем перейти к обсуждению критериев, сделаем общее краткое замечание об интонационном критерии. До сих пор интонация оставалась достаточно плохо изученной в разных языках. Исключение составляют работы по венгерскому языку (например, [Gyuris, Mády 2013]) и по немецкому языку (например, [Repp 2015]). При этом, насколько нам известно, типологического исследования интонации до сих пор не было проведено. Поэтому мы формулируем интонационный критерий только применительно к рус-

² Помимо *эксclamативов* с вопросительными местоимениями, которые проиллюстрированы в примерах (6) и (7), в работе [Zevakhina 2013] на материале 11 языков были выделены и другие типы *эксclamативов*, а именно: конструкции с анафорическими/усилительными местоимениями, инверсивные конструкции, конструкции со структурой синтаксически подчиненной клаузы, конструкции со структурой именной группы.

³ См., однако, сноску 7 в разделе 2.4.

скому языку (с указанием конкретных интонационных конструкций, далее — ИК), см. раздел 2.3, в то время как семантические критерии и лексико-синтаксический критерий могут иметь более универсальный характер.

2.2. Семантические критерии экскламативов

Мы перечислим наиболее важные семантические критерии и покажем, что надежных и однозначно указывающих на экскламативы критериев практически не существует.

Мы начнем с критерия, общего для экскламативов и восклицаний в широком смысле. Это критерий первичной эгоцентричности (термин первичная эгоцентричность принадлежит Е. В. Падучевой, см. подробнее [Падучева 1996: 297–320]). Критерий заключается в том, что в восклицании экспрессия принадлежит говорящему, оно не может быть пересказом эмоции другого человека (слушающего или третьего лица).

Что касается семантических критериев выделения именно экскламативов (но не восклицаний в широком смысле), основным является скалярный критерий. Фактически он уже был описан в начале раздела 2.1. Он заключается в том, что реальная степень d' на шкале признака X (значительно) больше ожидаемой говорящим степени d того же признака X , т. е. $d' > d$. Скалярность в том или ином виде присутствует во всех подходах. Проверить скалярность можно двумя способами. Первый способ состоит в том, что можно отменить высокую степень, например: *Какой высокий дом! Впрочем, не такой уж высокий* (если продолжение принадлежит тому же говорящему). Второй способ заключается в том, что можно интегрировать предложение в контекст, ср. (13):

- (13) {Отец навещает сына, который недавно построил новый дом. Отец не ожидал, что дом будет таким высоким, и восклицает, обращаясь к сыну}: *Ого, какой высокий дом!*

Удовлетворяют скалярному критерию так называемые «экскламативы первого типа» (exclamatives of type 1), описанные в работах [Nouwen, Chernilovskaya 2012; 2015], например, *Какой высокий дом я вчера видел!, Сколько яблок он съел!, Как много игрушек!, Как мало машин!* В литературе остается открытым вопрос о статусе конструкций вида *Кто к вам приехал!, Что он нашел!, Где он был!* и др. Авторы работ [Ibid.] называют такие экскламативы «экскламативами второго типа» (exclamatives of type 2) и обращают внимание на то, что такие экскламативы не скалярны, т. е. не удовлетворяют скалярному критерию. При этом авторы предлагают считать в качестве общего свойства экскламативов первого и второго типов так называемую «примечательность» (noteworthiness). Так, в случае нескаларного экскламатива *Кто к вам приехал!* примечателен тот факт, что к слушающему приехал человек, которого говорящий не ожидал увидеть. В случае скалярного экскламатива *Какой он высокий!* примечателен

тот факт, что рост описываемого лица больше того, который ожидает говорящий⁴.

Еще один семантический критерий, критерий референтности, заключается в том, что референт должен быть известен говорящему. Так, в (14) местоимение *он* кодирует известного говорящему референта, и поэтому предложение грамматично. Напротив, в (15) употребление местоимения *кто-то* подразумевает, что говорящему референт неизвестен, и поэтому предложение неграмматично.

(14) *Какой он высокий!*

(15) **Какой кто-то высокий!*

Авторы работы [Nouwen, Chernilovskaya 2015] предлагают различать объектную и событийную интерпретацию восклицательных предложений (*i-level* vs. *e-level* interpretation). Эти понятия можно было бы переформулировать в объектную и событийную референтность. В восклицательных предложениях первого типа (в терминологии [Ibid.]) представлена объектная референтность (например: *Какой Вася высокий!*), в то время как в восклицательных предложениях второго типа — событийная референтность (например: *Кто пришел!*). Объектная интерпретация подразумевает выделение описываемого индивида в ряду альтернативных индивидов, а событийная интерпретация означает выделение описываемого события в ряду альтернативных событий.

Еще два семантических критерия восклицательных предложений — критерий ассертивности и критерий пресуппозитивности — связаны со скалярным критерием и критерием референтности. Эти два критерия состоят в том, что реальная степень на шкале какого-либо признака утверждается (находится в ассерции), в то время как ожидаемая говорящим степень находится в пресуппозиции. Авторы работ [Nouwen, Chernilovskaya 2012; 2015] не пишут об этих двух критериях, однако можно предположить, что применительно к нескаларным восклицательным предложениям находится в пресуппозиции сама ситуация, в то время как в ассерции — лицо, объект, место и др. (т. е. то, что выражено местоимением).

Наконец, так называемый критерий прямого ответа состоит в том, что восклицательные предложения не могут служить прямым ответом на вопрос. Так, в (16) прагматически некорректно звучит ответ В при нормальном ответе Б⁵.

⁴ В работах [Nouwen, Chernilovskaya 2012; 2015] примеры вида *Как быстро он бежит!* не относятся ни к восклицательным предложениям первого типа, ни к восклицательным предложениям второго типа, однако являются скалярными. Подчеркнем, что разбиение восклицательных предложений на два типа основано не на скалярности, а на других свойствах, в том числе синтаксических, которые мы оставляем за рамками настоящей работы.

⁵ Подчеркнем, что этот тест применим только в случае прямых ответов и неприменим в случае не прямых ответов, таких как ответ Б в (i). О различении прямого и непрямого ответов см. [Падучева 2010: 235].

(i) А: *Думаешь, я смогу найти работу?* — Б: *Какой ты наивный!*

(16) А: *Каким тебе показался дом?*

Б: *Высоким.*

В: *#Какой высокий дом!*

Таким образом, мы рассмотрели основные семантические критерии, среди которых особое место занимает скалярный критерий, потому что, во-первых, с ним связаны еще три критерия (критерии референтности, пресуппозитивности и ассертивности), а во-вторых, он применим не ко всем экскламативам (и таким образом делит все экскламативы на два класса: скалярные и нескалярные). К контрасту между скалярными экскламативами, с одной стороны, и нескалярными — с другой, мы вернемся в разделе 2.5.

2.3. Интонационный критерий

Как уже было сказано в разделе 2.1, в отличие от семантического, интонационный критерий практически не обсуждается в литературе, поэтому на текущем этапе исследований не представляется возможным выдвинуть обоснованные типологические утверждения. Далее мы рассмотрим данные только русского языка.

В русском экскламативы, как правило, произносятся с интонационной конструкцией ИК-5, см. [РГ 1980, т. 1: §§ 153, 156, 168; Янко 2001: 43, 97–98; 2008: 95–96]. Так, в (17) на ударном слоге словоформы *какая* фиксируется подъем (/), а на ударном слоге словоформы *мастерская* — падение (\).

(17) *Какая* (ИК-5, /) *у них мастерская* (ИК-5, \)!

Помимо ИК-5, в экскламативах также встречаются ИК-6 и ИК-7, ср. (18)–(19). При ИК-6 в (18) на ударном слоге словоформы *мастерская* фиксируется подъем, при этом после него частота не снижается, а держится на том же уровне (√). При ИК-7 в (19) на ударном слоге словоформы *какая* фиксируется подъем, который сопровождается гортанной смычкой (?). Подробнее об ИК-6 см. [РГ 1980, т. 1: § 169; Янко 2001: 98; 2008: 31] и об ИК-7 см. [РГ 1980, т. 1: § 170].

(18) *Какая мастерская* (ИК-6, √) *у них!*

(19) *Какая* (ИК-7, / ?) *там мастерская! Нет у них ничего.*

Восклицания в широком смысле произносятся не с ИК-5, а с эмфатическим усилением ИК-1 или ИК-3 (например: *Папа* (ИК-1, эмф.) *приехал!*), см. [Янко 2001: 64–67; 2008: 83–97]).

Важно подчеркнуть, что ИК-5 встречается не только в экскламативах. Согласно Е. А. Брызгуновой, эта интонационная конструкция также типична, например, для выражения нетерпения в вопросительных предложениях, см. (20) и [РГ 1980, т. 1: § 168], и для выражения обращений, см. (21) и [Кодзасов 2009: 161–174]⁶.

⁶ Примеры в обоих случаях заимствованы из указанных источников.

(20) **Когда** (ИК-5, /) *же он придет* (ИК-5, \)?

(21) **Иван** (ИК-5, /) **Иваныч** (ИК-5, \)! *Хотите чаю?*

Кроме того, ИК-5 характерна и для сравнительных конструкций вида (22) и (23), см. [Вишенкова 2017].

(22) **Как** (ИК-5, /) *в сказке* (ИК-5, \)!

(23) **Как** (ИК-5, /) *у папы* (ИК-5, \)!

ИК-6 и ИК-7 также встречаются не только в экскламативах. Согласно Е. А. Брызгуновой, ИК-6 характерна для вопросительных предложений, выражающих недоумение, см. [РГ 1980, т. 1: §§ 169–170]. В той же работе указывается, что ИК-7 встречается в повелительных и утвердительных предложениях, выражающих предостережение. Соответствующие примеры — (24)–(25) — приведены ниже.

(24) **Куда** (ИК-6, √) *я положил ключ?*

(25) **Смотри** (ИК-7, / ?)! **Попадет** (ИК-7, / ?) *нам!*

Из этого следует, что по крайней мере в русском языке отсутствует однозначный интонационный «индикатор» экскламативов, поэтому интонационный критерий применим только одновременно с другими критериями — семантическими и лексико-синтаксическим. К обсуждению последнего мы сейчас перейдем.

2.4. Лексико-синтаксический критерий

Среди экскламативов выделяются специализированные экскламативы (см. (12), приведен ниже как (26)), которые должны удовлетворять не только рассмотренным выше семантическим и интонационному критериям, но и лексико-синтаксическому.

(26) *Какая она умница, что не поехала в Гагры!* [Крейдлин 1994: 62].

Лексико-синтаксический критерий заключается в том, что ряд восклицательных конструкций, в нашем случае специализированные экскламативы, конвенционально ассоциируется с экспрессивными речевыми актами⁷. Другими словами, имеет место взаимно-однозначное соответствие между

⁷ Понятие экспрессивного речевого акта было введено в классической работе Дж. Серля (ср. [Searle 1976; Серль 1986]). Изначально к экспрессивным речевым актам были отнесены только такие, которые содержат иллокутивные глаголы *благодарить, извиняться, поздравлять* и др. Однако впоследствии классификация речевых актов Дж. Серля была переосмыслена, и к экспрессивным речевым актам стали относить любые конструкции, которые выражают экспрессивную оценку говорящего, его эмоциональное состояние, в частности восклицательные конструкции, см. [Michaelis 2001; Castroviejo 2008; Rett 2011] и др. Так, согласно работе [Падучева 1996: 302], восклицательное предложение предназначено «для участия в речевом акте экспрессивного типа».

особой синтаксической структурой и лексическим составом предложения, с одной стороны, и экспрессивным речевым актом — с другой⁸.

Насколько нам известно, специализированные восклицательные предложения довольно плохо изучены в разных языках. Не является исключением и русский язык. Пожалуй, на сегодняшний день известны две работы, которые обсуждают подобные конструкции в той или иной степени, — это [Крейдлин 1994] и [Вишенкова 2017].

2.5. Критерий фактивности, или синтаксической подчинимости

В настоящей работе критерий фактивности, или критерий синтаксической подчинимости, представляет наибольший интерес, поскольку он напрямую связан с исследовательским вопросом, который затрагивается в настоящей работе: правомочно ли говорить о синтаксической подчинимости восклицаний в русском языке?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обсудим понятие фактивности (factivity) применительно к восклицаниям. Понятие фактивного предиката восходит к работе [Kiparsky, Kiparsky 1970: 147]: «То, что подчиненная клауза выражает истинную пропозицию, находится в пресуппозиции [фактивного предиката], в то время как некоторое утверждение об этой пропозиции находится в ассерции [фактивного предиката]»⁹. Согласно работе [Elliott 1974: 238], под фактивностью восклицательных предложений подразумевается их способность выступать в качестве синтаксических актантов фактивных матричных предикатов (ср. также [Grimshaw 1979]). Так, утверждается, что (27)–(28) содержат подчиненные восклицательные предложения.

(27) *It's incredible how beautiful these flowers are* [Elliott 1974: 232].

(28) *Fred knows how very tall John is* [Grimshaw 1979: 283].

При таком подходе упускаются из виду специализированные восклицательные предложения, которые априори неподчинены, ср. следующий пример (29):

(29) немецкий [Sæbø 2006: 6]

(**Irre*,) *was* / *wie* *bist* *du* *groß*
ошибаться.PRS.1SG что как быть.PRS.2SG ты большой
geworden.
стать.PASS.PTCP
'(Страшно подумать,) каким большим ты стал!'

⁸ Наша формулировка лексико-синтаксического критерия соответствует формулировке иллокутивного типа предложения, данной в работе [Sadock, Zwicky 1985]. Согласно [Ibid.: 155], иллокутивный тип предложения — это «соответствие грамматической структуры и конвенционального употребления в речи» («a coincidence of a grammatical structure and conventional conversational use”).

⁹ “[a factive predicate] ⟨...⟩ presupposes that the embedded clause expresses a true proposition, and makes some assertion about that proposition”.

В работе [Zanuttini, Portner 2003] фактивность экскламативов переосмысливается: фактивными объявляются синтаксически независимые экскламативы, и утверждается, что их пропозициональное содержание выражает некоторый факт и является пресуппозитивным (безотносительно их грамматичности в подчинительных контекстах). Таким образом, критерий фактивности в этом смысле схож с критерием пресуппозитивности, который обсуждался в разделе 2.2.

Далее мы перейдем к обсуждению вопроса о том, что представляют собой русские конструкции вида (1)–(5), приведенные ниже как (30)–(34): косвенные восклицательные клаузы (*косвенные экскламативы*, англ. *embedded exclamatives*) или косвенные вопросительные клаузы (*косвенные вопросы*, англ. *embedded interrogatives*)?

- (30) *Если бы вы видели, с каким восторгом хозяйка рассказывала его 150-летнюю историю!* (Н. Щербатов-Коломин. Березовое чудо // «Народное творчество», 2004);
- (31) *Вы даже не представляете, кто приходит ко мне на поклон!* (А. Снегирев. Вера, 2015);
- (32) *Удивляюсь, с какой остротой и как полно пронес через жизнь Миронов все богатство своих детских впечатлений!* (Б. Миронов. Скобаренок. О Борисе Миронове и его книге, 1999);
- (33) *Трудно рассказать, какое ликование поднялось в Тиме!* (В. Крапивин. Трое с площади Карронад, 1979);
- (34) *Нашел кому верить!*

Этот вопрос подразумевает два логически возможных ответа:

- 1) предложения вида (30)–(34) представляют собой косвенные восклицательные клаузы (*косвенные экскламативы*, англ. *embedded exclamatives*);
- 2) предложения вида (30)–(34) представляют собой косвенные вопросительные клаузы (*косвенные вопросы*, англ. *embedded interrogatives*).

Действительно, оба ответа встречаются в литературе.

Те, кто придерживается первой точки зрения (предложения вида (30)–(34) являются косвенными экскламативами), полагают, что подчиненные экскламативы обладают теми же семантико-синтаксическими признаками, что и независимые экскламативы (см. [Elliott 1974; Grimshaw 1979; Zanuttini, Portner 2003; Koenig, Siemund 2013] и др.)¹⁰.

Те же, кто разделяет вторую точку зрения (предложения вида (30)–(34) являются косвенными вопросами), считают, что различие между такими

¹⁰ В каждом подходе эти признаки свои. Критерии, которые мы выделили в разделе 2, отчасти основаны на этих признаках, но полностью их не покрывают.

предложениями и предложениями вида *Он спросил, кого она сегодня встретила* может быть объяснено семантикой матричных предикатов, но никак не разным семантико-синтаксическим статусом подчиненных клауз (см. [Huddleston 1993; d'Avis 2002; Abels 2005; Sæbø 2010; Rett 2011] и др.).

Дискуссия между приверженцами указанных выше точек зрения ведется вокруг следующих проблем. Первая проблема заключается в том, что существует асимметрия между синтаксически независимыми и синтаксически зависимыми восклицательными предложениями в отношении возможности употребления в них местоимений (*matrix-embedded asymmetry*), см. Таблицу 1.

Таблица 1

**Типологические классы местоимений,
употребляемых в восклицательных предложениях¹¹**

	Употребляются в синтаксически независимых восклицательных предложениях?	Употребляются в синтаксически зависимых контекстах с восклицательной интерпретацией?
Класс 1: качественные (несколько стратегий, но основные с 'какой' и 'как') и количественные ('сколько') местоимения	+	+
Класс 2: местоимения 'что'/'кто'/'где' > 'когда' > 'почему'	+ / – (иерархия)	+
Класс 3: местоимения со значениями 'который', 'какого рода', 'как' (способ действия)	–	+

Из Таблицы 1 видно, во-первых, что местоимения всех трех классов возможны в синтаксически зависимых контекстах с восклицательной интерпретацией (во всяком случае, в выборке, представленной в работе [Zevakhina 2016] и состоявшей из 11 языков). Во-вторых, если в языке есть синтаксически независимые восклицательные предложения с местоимениями класса 2, то в этом языке есть и синтаксически независимые восклицательные предложения с местоимениями класса 1. В-третьих, местоимения класса 2 образуют следующую иерархию: местоимения со значением 'почему' употребляются в синтаксически независимых восклицательных предложениях, только если в таких же контекстах возможны местоимения со значениями 'что', 'кто', 'где' и 'когда'; местоиме-

¹¹ См. подробнее в [Zevakhina 2016]. Восклицательные предложения с местоимениями класса 1 являются скалярными (т. е. удовлетворяют скалярному критерию), в то время как восклицательные предложения с местоимениями классов 2 и 3 являются нескаларными.

ния со значением 'когда' употребляются в синтаксически независимых экскламативах, только если в таких же контекстах возможны местоимения со значениями 'что', 'кто' и 'где'. Наконец, местоимения класса 3 невозможны в синтаксически независимых экскламативах ни в одном языке из выборки, представленной в работе [Ibid.].

Как объяснить эту асимметрию? Сторонники первой точки зрения считают ее особенностью экскламативов, которая отличает их от вопросительных конструкций. Для сторонников второй точки зрения указанная проблема отсутствует. Так, в [Koenig, Siemund 2013; Siemund 2015] предлагается следующий диахронический путь появления независимых экскламативов, который объясняется гипотезой расподчинимости (*insubordination hypothesis*), выдвинутой в работе [Evans 2007]: независимые экскламативы возникли вследствие расподчинения ряда косвенных вопросительных конструкций¹² (см. также типологические свидетельства этому в [Zevakhina 2016], а также недавнюю работу [Gras, Sansiñena 2017] о расподчинении испанских экскламативов).

Вторая проблема состоит в следующем. Если вслед за [Grimshaw 1979] предположить, что экскламативы могут быть синтаксически зависимыми и определенным матричным предикатам в словаре приписывается признак [__ E], т. е. они «избирают» экскламативы в качестве своих сентенциальных актантов, то почему такие матричные предикаты представляют большое разнообразие в лексическом отношении и у них есть грамматические ограничения?¹³ Этот вопрос систематически никем не изучался, однако можно сделать следующие наблюдения.

Во-первых, на основании анализа примеров из разных языков нам удалось установить, что матричные предикаты только следующих четырех лексико-семантических классов¹⁴ допускают восклицательное прочтение подчиненных клауз¹⁵:

¹² В работе [Mithun 2016], рассматриваются независимые экскламативы в могаукском языке, которые имеют структуру не косвенного вопроса, характерную для экскламативов индоевропейских (и ряда других) языков, а подчиненного утвердительного, вводимого подчинительным союзом. Подобные конструкции с подчинительным союзом также встречаются в некоторых индоевропейских языках (например, во французском). М. Митун полагает, что диахронический путь независимых экскламативов может быть разным (они могут произойти из подчиненных утвердительных или вопросительных конструкций), однако «результат» одинаков в обоих случаях, поскольку, как утверждает М. Митун, оба типа конструкций обладают одними и теми же свойствами, в том числе скалярностью.

¹³ Тогда как, например, у матричных предикатов, «избирающих» вопросительные клаузы, подобных ограничений нет (признак [__ Q] соответственно).

¹⁴ Изначально эти классы были выделены для английского в работе [Huddleson 1993], однако они обнаруживаются и в других индоевропейских языках, а также в языках других семей: см. [Villalba 2003] и [Castroviejo 2006] для каталанского; [Beyssade 2009] для французского; [d'Avis 2002] и [Sæbø 2010] для немецкого;

- эмотивные ('удивляться', 'поражаться'): японский, венгерский, малагасийский, баскский, арабский (палестинский диалект), китайский, хорватский, французский, итальянский, тсвана, малайский, турецкий...
- перцептивные ('смотреть', 'слушать'): китайский, баскский, каталонский, ...
- ментальные ('знать', 'думать'): японский, китайский, ...
- речевые ('говорить'): японский, ...

Во-вторых, грамматические формы таких матричных предикатов должны быть фактивны, т. е. должны принимать в качестве актантов только такие клаузы, пропозиции которых истинны¹⁶. Так, в тех языках, которые были включены в выборку в работе [Zevakhina 2016], глагол со значением 'верить' нефактивен, однако некоторые его грамматические формы фактивны (например, форма сослагательного наклонения под отрицанием или форма будущего времени индикативного наклонения под отрицанием, ср. рус. *Ты не поверишь!*) и поэтому допускают восклицательное прочтение подчиненных клауз.

В-третьих, не любой грамматический контекст таких предикатов допускает восклицательное прочтение подчиненной клаузы. Так, в английском форма первого лица *I know* употребляется с экскламативами, в то время как та же форма под отрицанием *I don't know* — нет, ср. (35) и (36):

(35) *I know how tall Bill is.*

'Я знаю, какой Билл высокий' (букв.).

(36) *#I don't know how tall Bill is.*

'Я не знаю, какой Билл высокий' (букв.).

Нам неизвестны исследования, в которых бы говорилось о грамматических ограничениях таких предикатов.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой предложения вида (30)–(34) являются косвенными вопросительными клаузами, однако вместо термина косвенная вопросительная клауза (или косвенный вопрос) мы будем использовать термин подчиненное предложение (клауза) с восклицательной интерпретацией, поскольку восклицание лишено вопросительной прагматики. Соответственно, предложение, состоящее из матричной клаузы и подчиненной клаузы с восклицательной интерпретацией, мы будем называть слож-

[Ono 2006] и [Yamato 2010] для японского; [Lipták 2006] для венгерского; [Potsdam 2011] для малагасийского; [Visan 2000] для китайского; [Hualde, De Urbana 2003] для баскского. См. также сопоставительный анализ этих исследований в работе [Zevakhina, Dainiak 2017].

¹⁵ Языки приведены только с иллюстративной целью: нельзя с уверенностью говорить, что в этих языках представлены лишь перечисленные лексико-семантические классы и что эти классы представлены исключительно в этих языках.

¹⁶ Данный факт обсуждается в работах [Elliott 1974] и [Grimshaw 1979].

ноподчиненное предложение с восклицательной интерпретацией.

3. Сложноподчиненные предложения с восклицательной интерпретацией: анализ корпусных данных русского языка

В настоящем исследовании мы во многом следуем работе [Zevakhina, Dainiak 2017], где на материале Основного корпуса НКРЯ (в апреле 2014 г. Основной корпус НКРЯ насчитывал порядка 230 млн словоупотреблений) были проанализированы только *какой*-экскламаты в подчинительных контекстах. Запрос в Основном корпусе НКРЯ был следующим:

- (37) любой глагол (V) на расстоянии 1 до местоимения *какой* на расстоянии 1–20 до восклицательного знака (bexcl).

Всего было найдено и проанализировано 1213 контекстов. В ходе исследования удалось выявить четыре лексико-семантических класса предикатов, которые встречаются в восклицательных контекстах: перцептивные, ментальные, эмотивные, речевые (мы обсуждали их выше применительно к другим языкам). К результатам исследования мы вернемся ниже, при обсуждении выводов данной работы.

В настоящем исследовании, которое основывается на данных Основного корпуса НКРЯ, доступных в июне 2017 г. (Основной корпус содержал на тот момент порядка 283 млн словоупотреблений), мы проанализировали три типа экскламов: *какой*-, *кто*- и *сколько*-экскламаты. Выбор именно этих конструкций был обоснован, во-первых, тем, что *какой*- и *сколько*-экскламаты — это, соответственно, качественные и количественные скалярные экскламаты, в то время как *кто*-экскламаты — не скалярные. Во-вторых, все три местоимения (*какой*, *кто* и *сколько*) не омонимичны союзам, в отличие, например, от местоимений *что* и *как*. Следовательно, поиск выдает меньшее количество вхождений, которые вполне реалистично просмотреть вручную (в случае *что* и *как* корпус выдавал несколько десятков тысяч вхождений).

Запрос в Основном корпусе НКРЯ был следующим:

- (38) конкретный глагол из тех, которые были найдены в 2014 г., а также глагол *найти*, до запятой (V, comma) на расстоянии 1–5 до местоимений *какой/кто/сколько* на расстоянии 1–20 слов до восклицательного знака (bexcl)¹⁷.

¹⁷ При таком запросе были выявлены контексты, длина которых меньше 20 слов до восклицательного знака и которые могли оканчиваться не на восклицательный знак. Мы анализировали и такие контексты тоже. Однако, строго говоря, систематического исследования предложений, оканчивающихся на другие пунктуационные знаки, не проводилось.

Среди всех полученных таким образом предложений были вручную отобраны конструкции, которые имели восклицательную интерпретацию. Так, для *какой*-эксclamативов восклицательная интерпретация заключается в передаче высокой степени на шкале признака. Для *сколько*-эксclamативов восклицательная интерпретация — выражение большого количества ('много'). Для *кто*-эксclamативов восклицательная интерпретация — обозначение в каком-то смысле «примечательного» индивида (noteworthy, в терминах [Nouwen, Chernilovskaya 2012; 2015]), имплицитно или эксплицитно присутствующего в контексте. Безусловно, полученные таким образом данные имеют ограничения. Так, были проанализированы эксclamативы не со всеми местоимениями; возможно, были проанализированы не все предикаты главной клаузы; не были проанализированы контексты, оканчивающиеся на точку «.», а также на вопросительный и восклицательный знаки вместе «?!». Снятие этих ограничений является целью нашего дальнейшего исследования.

В данном разделе (пп. 3.1–3.5) представлены количественные распределения *какой*-, *сколько*-, *кто*-эксclamативов и предикатов всех выявленных лексико-семантических классов. В скобках после конкретного числа указана наиболее типичная конструкция. Например, ячейки с *посмотри* в Таблице 2 на самом деле представлены не только этой грамматической формой, хотя она и наиболее типична, но и такими конструкциями, как *ты посмотри*, *посмотрите*, *вы посмотрите*. Важно подчеркнуть, что все возможные грамматические формы, имеющие типичного представителя, различаются только одной грамматической категорией. Например, формы *посмотри*, *посмотрите* и проч. различаются только категорией лица. Кроме того, в тех случаях, когда релевантных вхождений насчитывалось менее 5, мы указывали не конкретное число, а «<5». Наконец, в тех случаях, когда релевантных вхождений насчитывалось менее 10, типичные грамматические контексты могли быть не обнаружены.

3.1. Перцептивные предикаты

В Таблице 2 приведено количественное распределение грамматических контекстов перцептивных предикатов и эксclamативов, содержащих местоимения *какой*, *сколько* и *кто*.

Наиболее частотными грамматическими контекстами для каждого типа эксclamативов являются императивы *смотри* и *посмотри*, а также вопрос в форме 2-го лица *видишь?* При этом среди всех типов эксclamативов максимальное количество данных форм приходится на *какой*-эксclamативы. Они проиллюстрированы в (39)–(40).

(39) *Посмотри, какая сегодня на редкость интересная газета!* (В. Катаян. Прикосновение к идолам, 1998);

(40) *Видишь, какой ты счастливый! Ты родился, а миллионы миллионов пропали, — уклонилась Ната от расчетов* (М. Гиголашвили, Чёртово колесо, 2007).

Таблица 2

Распределение экскламативов с местоимениями *какой, сколько, кто* и перцептивных предикатов в Основном корпусе НКРЯ

	<i>какой- экскламативы</i>		<i>сколько- экскламативы</i>		<i>кто- экскламативы</i>	
СМОТРЕТЬ	45 7	(смотри)	52	(смотри)	47	(смотри)
ПОСМОТРЕТЬ	435 10	(посмотри) (посмотрел бы ты)	50	(посмотри)	50	(посмотри)
ГЛЯДЕТЬ	92	(гляди)	6	(гляди)	11	(гляди)
ПОГЛЯДЕТЬ	52	(ты погляди)	5	(погляди)	8	(погляди)
ГЛЯНУТЬ	21	(глянь)	<5	(глянь)	<5	(глянь)
СЛУШАТЬ	27	(слушай)	<5	(слушай)	0	
ПОСЛУШАТЬ	30 4	(послушай) (послушал бы ты)	0		0	
ВИДЕТЬ	305 24 19 9	(видишь?) (надо было видеть) (если бы ты видел) (ты не видел)	25	(видишь?)	11	(видишь?)

3.2. Ментальные предикаты

В Таблице 3 представлено количественное распределение грамматических контекстов ментальных предикатов и экскламативов, содержащих местоимения *какой, сколько* и *кто*.

Таблица 3

Распределение экскламативов с местоимениями *какой, сколько, кто* и ментальных предикатов в Основном корпусе НКРЯ

	<i>какой- экскламативы</i>		<i>сколько- экскламативы</i>		<i>кто- экскламативы</i>	
ПРЕДСТАВЛЯТЬ	118	(ты не представляешь, представляешь?)	43	(ты не представляешь, представляешь?)	<5	(ты не представляешь, представляешь?)
	29	(представляю / не представляю)	5	(представляю/не представляю)		(представляю)

ПРЕДСТАВИТЬ	31 30 24 <5 67	(представь) (можешь представить) (ты не можешь представить) (если бы ты мог представить) (можно себе представить)	9 5 14	(представь) (можешь представить) (можно представить)	<5	
ПОНИМАТЬ	22 16 12 7	(сам понимаешь) (понимаешь?) (ты не понима- ешь) (неужели не по- нимаешь?)	<5	(сам понима- ешь, пони- маешь?)	<5	(сам пони- маешь, по- нимаешь?)
ПОНЯТЬ	11	(поймешь)	<5		7	
ЗНАТЬ	200 69 184	(сам знаешь, знаешь?) (сам не знаешь) (если бы ты знал)	48 8 33	(сам знаешь, знаешь?) (сам не зна- ешь) (если бы ты знал)	62 16 17	(сам знаешь, знаешь?) (сам не зна- ешь) (если бы ты знал)
ПОВЕРИТЬ ¹⁸	27	(не поверишь)	<5	(не поверишь)	<5	(не поверишь)
ДУМАТЬ	19	(думаю)	8	(думаю)	<5 <5	(думаю) (думай)
ПОДУМАТЬ	92 99 13	(подумаешь) (подумай) (только поду- мать)	12 22 9	(подумаешь) (подумай) (только по- думать)	<5 6	(подумаешь) (подумай)
ЗАБЫВАТЬ	0		<5	(забываете)	7	(не забывай)
ЗАБЫТЬ	<5	(не могу забыть, никогда не забу- ду, я и забыл уже)	<5	(забыл, не за- будь, не мо- гу забыть)	12 <5	(забыл) (не забудь)
ПОМНИТЬ	8 6	(помню) (помнишь)	<5	(помнишь)	<5	
ВСПОМИНАТЬ	5	(вспоминал, вспоминаю)	<5		<5	(вспоминай)
ВСПОМНИТЬ	29 <5 <5	(вспомни) (вспомним) (страшно / если вспомнить, вспомню)	14 <5	(вспомни) (страшно / если вспом- нить, как вспомню)	<5	(вспомни)

¹⁸ Предикат *верить* практически невозможен.

Наиболее частотными грамматическими контекстами для *какой-* и *сколько-*эксclamативов являются утвердительная форма настоящего времени 2-го лица *сам знаешь*, вопросительные формы 2-го лица настоящего времени *знаешь?*, *представляешь?*, форма сослагательного наклонения *если бы ты знал!* и форма настоящего времени 2-го лица под отрицанием *ты не представляешь*. Любопытно, что, как и в случае перцептивных предикатов, максимальное число этих форм приходится на *какой-*эксclamативы. Приведем примеры на все перечисленные частотные формы *какой-*эксclamативов.

- (41) *Сам же знаешь, какие у меня с ним отношения!* (Н. Леонов, А. Макеев. Лекарство от жизни, 2001);
- (42) *И знаете, какие у нас получаются препараты!* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, 1978);
- (43) *Представляешь, какой потом придется писать отчетище о расходе боеприпасов!* (М. Милованов. Естественный отбор, 2000);
- (44) *Если бы ты знала, какие пироги с капустой печет Рая, это просто объедение!* (Л. Улицкая. Пиковая Дама и другие, 1992);
- (45) *Ты не представляешь себе, какая она здоровенная!* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия, 2004).

Наиболее частотными грамматическими контекстами для *кто-*эксclamативов являются *сам знаешь* и *знаешь?*

Кроме того, были выявлены устаревшие формы: *нельзя себе представить* и *пойми(те)*, см. (46) и (47):

- (46) *Нельзя себе представить, какие тяжелые переживания я испытал при этом сообщении!* (П. Г. Курлов. Гибель императорской России, 1923);
- (47) *Поймите, сколько должно быть у нее труда и забот!* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Признаки времени. Легковесные, 1868).

Для примеров с предикатами *помнить/вспомнить/вспоминать*, *понять/понимать*, *забыть/забывать* возможны 2 интерпретации — восклицательная и вопросительная, см. (48)–(50). Интересно, что в примерах вида (51)–(53) допустима только восклицательная интерпретация, вероятно, потому, что эти предложения представляют собой устойчивые выражения.

- (48) *Всегда помни, кто победил!*
- (49) *Вспоминай, кого ты вчера встретил!*
- (50) *Вспомни, кто тебе помог!*
- (51) *Всегда помни, с кем разговариваешь!*
- (52) {*Вспомни/вспоминай*}, *кто ты на самом деле!*
- (53) {*Вспомни/вспоминай*}, *кто перед тобой!*

3.3. Эмотивные предикаты

В Таблице 4 приведено количественное распределение грамматических форм эмотивных предикатов и экскламов, содержащих местоимения *какой, сколько и кто*.

Таблица 4

Распределение экскламов с местоимениями *какой, сколько, кто* и эмотивных предикатов в Основном корпусе НКРЯ

	<i>какой- экскламаты</i>		<i>сколько- экскламаты</i>		<i>кто- экскламаты</i>	
УДИВИТЬСЯ	5		<5	(удивишься)	0	
УДИВЛЯТЬСЯ	6		<5	(удивляешься, удивлялся)	0	
УДИВИТЕЛЬНО	27		5		0	
ПОРАЗИТЕЛЬНО	7		<5		0	
НЕВЕРОЯТНО	<5		0		0	
ИЗУМЛЯТЬСЯ/ ИЗУМИТЬСЯ	<5		0		0	
ВОСХИЩАТЬСЯ/ ВОСХИТИТЬСЯ	0		0		0	
РАДОВАТЬСЯ/ ПОРАДОВАТЬСЯ	<5		<5		0	
ОБАЛДЕВАТЬ/ ОБАЛДЕТЬ	<5		0		0	

Судя по данным Таблицы 4, нельзя сказать, что эмотивные предикаты частотны. Наиболее частотным является предикатив *удивительно*, причем только с *какой*-экскламами, см. (54). Однако он существенно менее частотен по сравнению с перцептивными или ментальными предикатами.

- (54) *Удивительно, какая осмысленная, почти человеческая мука может слышаться в лошадином ржании!* (К. Воробьев. Крик, 1962).

3.4. Речевые предикаты

Количество грамматических форм речевых предикатов *говорить, рассказать, рассказывать* в контексте экскламов, содержащих местоимения *какой, сколько и кто*, ничтожно мало (<5), поэтому мы не приводим конкретных цифр. Ниже приведены примеры употребления *какой*-экскламов с *рассказать* и *говорить*.

- (55) *Я всем расскажу, какой ты негодяй и подлец!* (П. Проскурин. Черные птицы, 1983);
- (56) *Надо ли говорить, в каком настроении я пела спектакль дальше?!* (И. К. Архипова. Музыка жизни, 1996).

В ходе исследования была выявлена устаревшая конструкция *нельзя рассказать*, ср. (57):

- (57) *Нельзя рассказать, какое приятное впечатление производят такие поступки!* (Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, 1835–1841).

3.5. Предикат найти

Мы выделяем предикат *найти* в отдельный лексико-семантический класс, поскольку, как кажется, в том переносном употреблении, которое возможно в восклицательных контекстах, его с трудом можно отнести к какому-либо лексико-семантическому классу, представленному в пп. 3.1–3.4. На наш взгляд, этот случай заслуживает отдельного исследования.

В Таблице 5 приведено количественное распределение грамматических форм предиката *найти* и экскламативов, содержащих местоимения *какой*, *сколько* и *кто*.

Таблица 5

Употребление экскламативов с местоимениями *какой*, *сколько* и *кто* и предиката *найти* в Основном корпусе НКРЯ

	<i>какой- экскламативы</i>	<i>сколько- экскламативы</i>	<i>кто- экскламативы</i>
НАЙТИ (прош. вр.) ¹⁹	7	0	132

Из Таблицы 5 видно, что предикат *найти* употребляется в основном с *кто*-экскламативами, см. (58).

- (58) *Нашли кому советовать! Не мое это дело, не мой талант* (И. Грекова. Без улыбок, 1975).

¹⁹ Другие грамматические формы предиката *найти* не допускают восклицательного прочтения подчиненных клауз, ср. исходный пример (i) и его модификации в (ii)–(iii). Постановка восклицательного знака в (i) обусловлена тем, что этот пример представляет собой восклицание в широком смысле.

(i) *Они и мазут найдут кому продать!* (М. А. Шолохов, Тихий Дон. Кн. 4 1928–1940);

(ii) *Они и мазут нашли бы кому продать;*

(iii) *Найди, кому продать мазут.*

3. Анализ полученных данных

Представленные в Таблицах 2–5 данные позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, восклицательные с местоимениями *какой*, *сколько* и *кто* имеют разную частотность в сочетании с предикатами разных лексико-семантических классов. Так, *какой*-восклицательные более частотны, чем *сколько*- и *кто*-восклицательные, в сочетании с предикатами всех классов, за исключением предиката *найти*. Соответственно, *кто*-восклицательные менее частотны, чем *какой*- и *сколько*-восклицательные, в сочетании с предикатами всех классов, кроме предиката *найти*. *Сколько*-восклицательные в отношении частотности находятся между *какой*- и *кто*-восклицательными, но в целом в большей степени похожи на *какой*-восклицательные, чем на *кто*-восклицательные. Различия в частотности *какой*- и *сколько*-восклицательных позволяют сделать следующее наблюдение: в русском языке качественные восклицательные (т. е. *какой*-восклицательные) в подчинительных контекстах более частотны, чем количественные (т. е. *сколько*-восклицательные). Интересно было бы проверить гипотезу о большей частотности качественных восклицательных по сравнению с частотностью количественных восклицательных на материале других языков. Если эта гипотеза подтвердится, то окажется, что восклицательные с местоимениями класса 1 (см. Таблицу 1) не являются однородными, как и восклицательные с местоимениями класса 2.

Во-вторых, лексико-семантические классы матричных предикатов также неоднородны в отношении частотности. Перцептивные и ментальные предикаты в сочетании с восклицательными представлены большим разнообразием лексических единиц и грамматических контекстов, чего нельзя сказать об эмотивных и речевых предикатах. Кроме того, ряд лексем и их грамматических контекстов перцептивных и ментальных предикатов имеют относительно высокую частотность в корпусе, в то время как эмотивные и речевые предикаты редки. Редкость эмотивных предикатов в русском языке противоречит типологическому ожиданию, к которому можно прийти на основании данных, представленных в разделе 2.5: эмотивные предикаты засвидетельствованы в большем количестве языков по сравнению с предикатами других лексико-семантических классов. Поэтому, возможно, характерная черта восклицательных в языках мира — их подчинимость в контексте эмотивных предикатов. В отношении эмотивных предикатов русский язык не встраивается в предполагаемую типологическую картину.

В-третьих, в каждом лексико-семантическом классе предикатов представлены свои наиболее типичные лексемы и их грамматические контексты. Так, для перцептивных предикатов это императивы 2-го лица (*смотри*), вопросы 2-го лица (*видишь?*); для ментальных — оптативы 2-го лица (*если бы ты знал*), ассертивы 2-го лица под отрицанием или без отрицания (*ты не представляешь, сам знаешь*), вопросы 2-го лица (*представляешь? знаешь?*); для эмотивных предикатов — *удивительно*; для предиката *найти* — форма

прошедшего времени (при этом восклицание обращено к собеседнику); наконец, среди речевых предикатов не удастся обнаружить какие-либо типичные лексемы или их формы. Интересно, что форма 2-го лица для перцептивных и ментальных предикатов оказывается наиболее частотной. Возможно, это связано с тем, что изучаемые конструкции свойственны диалогизированной речи (см. интерпретацию этого факта в терминах грайсианской прагматики в [Zevakhina, Dainiak 2017]). Кроме того, все грамматические контексты — как более частотные, так и менее частотные (и даже редкие) — должны удовлетворять требованию фактивности. Другими словами, как и утверждалось в литературе (например, в работах [Elliott 1974; Grimshaw 1979]), невозможными становятся грамматические контексты, не допускающие фактивности, см. (59)–(60):

(59) *Я не знаю, кто пришел.* (интерпретации: вопросительная, #восклицательная)

(60) *Знаешь, кто пришел?* (интерпретации: вопросительная, восклицательная)

Среди редких грамматических контекстов выделяются устаревшие (например, *пойми, нельзя представить*).

В-четвертых, с синтаксической точки зрения возможен слусинг. Грамматические формы матричных предикатов употребляются с местоимениями при эллиптированной подчиненной клаузе, см. (61)–(63). Так, в (61) предикат *смотри* употреблен с местоимением *какой*, а вся последующая клауза *дом я построил* эллиптирована.

(61) *Смотри, какой ~~дом я построил~~!*

(62) *Видишь, сколько ~~ягод я собрал в лесу~~!*

(63) *Не представляешь, кто ~~играл сегодня в спектакле~~!*

Отметим, что такие конструкции функционируют как амальгамы в терминах [Тестелец, Былинина 2005], ср. (64)–(66):

(64) *Я построил смотри какой дом.*

(65) *Я собрал видишь сколько ягод.*

(66) *Не представляешь кто сегодня приходил.*

Однако это верно не для всех грамматических форм предикатов, ср. (67) и (68).

(67) **Он увидел вспомнил кого.*

(68) **Он построил ты не понимаешь какой дом.*

То же верно и в отношении предикатов в вопросительном контексте. Так, предложение (69) не может быть утверждением, но может быть во-

просом (см. (70)), т. е. вопросительная форма предиката *знаешь* «навязывает» вопросительную интерпретацию всему предложению.

(69) #Он собрал *знаешь* сколько яблок.

(70) Он собрал *знаешь* сколько яблок?

В-пятых, с просодической точки зрения наблюдается контраст между синтаксически независимыми восклицательными и подчиненными предложениями с восклицательной интерпретацией (во всяком случае, в контексте некоторых матричных предикатов). Согласно работам [РГ 1980, т. 1: § 168; Янко 2001: 43, 97–98; 2008: 31], в синтаксически независимых восклицательных предложениях употребляется ИК-5 (возможны еще ИК-6 и ИК-7, см. [РГ 1980, т. 1: §§ 169–170]). Так, в (71) на ударном слоге словоформы *какой* фиксируется подъем, а на ударном слоге словоформы *вечер* — падение.

(71) *Како́й* (ИК-5, /) *чудесный ве́чер* (ИК-5, \)!

Реализация ИК-5 в подчиненных клаузах с восклицательной интерпретацией, видимо, зависит от матричного предиката. Так, в случае предиката *посмотреть* ИК-5 возможна, только если предикат вынесен в отдельное высказывание (предикат и местоимение разделяются паузой), ср. (72) и (73):

(72) *Посмотри! Како́й* (ИК-5, /) *чудесный ве́чер* (ИК-5, \)!

(73) **Посмотри, како́й* (ИК-5, /) *чудесный ве́чер* (ИК-5, \)!

В случае же предиката *найти* ИК-5 фиксируется на предложении в целом (с подъемом на *нашел* и падением на *верить*), см. следующий пример²⁰:

(74) *Наше́л* (ИК-5, /) *кому ве́рить* (ИК-5, \)!

Наконец, в случае предиката *рассказать*, по крайней мере в одном из возможных вариантов артикуляции, ИК-5 соотносится только с подчиненной клаузой, см. (75):

(75) *Трудно расска́зать, како́е* (ИК-5, /) *ликование поднялось в Ти́ме* (ИК-5, \)!

Наше предположение о том, что реализация ИК-5 на независимом восклицательном, подчиненной клаузе с восклицательной интерпретацией или на целом предложении зависит от типа предиката, требует дальнейшего исследования. По всей видимости, здесь играют роль несколько факторов.

Интересно, что в подчинительных контекстах вместо ИК-5 возможно эмфатическое выделение местоимения, которое служит средством разрешения многозначности подчиненных клауз. Как кажется, если произнести (76) с эмфатическим выделением *кто*, то интерпретация подчиненной клаузы восклицательная, в то время как без эмфатического выделения воз-

²⁰ Мы благодарим анонимного рецензента за это и следующее замечание.

можно как вопросительная, так и восклицательная интерпретация. То же верно и в отношении предложения (77) с *какой*.

(76) *Давайте-ка лучше вспомним, кто подал нам мысль, как помочь Алене!* (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри, 2002);

(77) *Давайте лучше вспомним, какой дом он построил!*

В-шестых, в ряде случаев можно говорить о семантической «непрозрачности» предиката. Так, часть форм уже не имеет исходной семантики, как-то: *смотри, посмотри, понимаешь, слушай, послушай, подумай, подумай, подумай только, знаешь*. Для сравнения приведем примеры (78) и (79). Если в (78) *послушай* употреблен в исходном значении (говорящий призывает слушающего послушать речь выступающего), то в (79) *послушай* употреблен не в исходном значении, а как маркер привлечения внимания.

(78) *Ты послушай, какой слог! Какие обороты!* (Г. Садулаев, Шалинский рейд, 2010);

(79) *Послушай, какой у тебя трогательный друг!* (С. М. Голицын. Записки уцелевшего, 1980–1989).

Другими примерами маркеров привлечения внимания слушающего могут служить формы *смотри, посмотри, слушай*. В этом отношении интересна параллель с нахско-дагестанскими восклицаниями. Согласно работе [Kalinina 2011], глагол со значением ‘смотреть’ в форме императива и глагол со значением ‘видеть’ в форме прошедшего времени употребляются в контексте восклицательных клауз. Е. Ю. Калинина относит их к дискурсивным маркерам.

В-седьмых, кратко обсудим употребление предикатов *воскликнуть/воскликнуть*. В отличие от предикатов *спросить/спрашивать*, предикаты *воскликнуть/воскликнуть* не могут принимать клаузы с вопросительными местоимениями в качестве своих sententialных актантов. Так, пример (80) иллюстрирует несобственно прямую речь в терминах [Падучева 1996: 335–353]. Не случайно в этом примере уместно двоеточие, а не запятая.

(80) *Мы объяснили, зачем пришли, он воскликнул: Как же вы всех нас напугали!* (С. М. Голицын. Записки уцелевшего, 1980–1989).

Интересна параллель с английским: глагол *exclaim* ‘воскликнуть’ не может принимать клаузы с вопросительными местоимениями в качестве sententialных актантов, в отличие от глагола *ask* ‘спросить’.

(81) **He exclaimed how very tall Bill is.*

‘Он воскликнул, какой Билл высокий’ (букв.).

(82) *He asked how tall Bill is.*

‘Он спросил, какой Билл высокий’ (букв.).

4. Заключение

Подведем итоги.

Во-первых, мы обсудили критерии выделения экскламати́вов и показали, что классификация восклицательных конструкций требует использования не одного, а целой совокупности критериев. Так, с помощью основного семантического критерия — скалярного — фактически можно выявить только скалярные экскламати́вы. Такие семантические критерии, как критерии референтности, пресуппозитивности и ассертивности, применимы только вместе со скалярным критерием. Критерий прямого ответа также не выявляет экскламати́вы. Что касается интонационного критерия, в русском языке нет однозначного интонационного «индикатора» экскламати́вности: ИК-5, ИК-6, ИК-7 выражаются не только в восклицательных контекстах. Лексико-синтаксический критерий применим лишь к определенному подмножеству экскламати́вов, а именно к специализированным экскламати́вам. Наконец, критерий фактивности можно определять по-разному: либо вслед за [Elliott 1974; Grimshaw 1979] отождествлять фактивность с синтаксической подчинимостью, либо вслед за [Zanuttini, Portner 2003] понимать фактивность как пресуппозитивность и отделять от синтаксической подчинимости. Как бы то ни было, критерием выделения экскламати́вов не может служить их синтаксическая подчинимость, поскольку, как мы показали в этой работе, само это явление — спорное. Таким образом, для выявления экскламати́вов необходимо пользоваться как всеми семантическими критериями, так и интонационным критерием, а для выявления специализированных экскламати́вов — еще и лексико-синтаксическим критерием.

Во-вторых, корпусные данные демонстрируют лексическую и грамматическую неоднородность матричных предикатов, «избирающих» клаузы с восклицательной интерпретацией. Кроме того, они позволяют увидеть различие в том, какое местоимение подчиненной клаузы встречается в контексте какого матричного предиката. Можно составить достаточно условный прототипический «портрет» сложноподчиненного предложения с восклицательной интерпретацией в русском языке: это (фактивная) неассертивная грамматическая форма 2-го лица (фактивного) перцептивного или ментального матричного предиката с «непрозрачной» семантикой, после которого следует подчиненная клауза с местоимением *какой*.

В-третьих, совокупность данных, приводимых в настоящей и предшествующих работах, свидетельствует в пользу гипотезы расподчинения. Аргументами здесь являются асимметрия в употреблении местоимений в независимых экскламати́вах и в сложноподчиненных предложениях с восклицательной интерпретацией (*matrix-embedded asymmetry*), разнородные фактивные лексико-грамматические контексты матричных предикатов, невозможность употребления предикатов *восклицать/воскликнуть* в сложноподчиненных предложениях с восклицательной интерпретацией. Справедливость гипотезы расподчинения служила бы удачным объяснением того,

почему различается совместное частотное распределение матричных предикатов и скалярных (качественных и количественных) vs. нескалярных экскламов. Действительно, скалярные экскламы (по крайней мере, *какой-* и *сколько-*экскламы) могли возникнуть вследствие того, что соответствующие сентенциальные актанты ряда (наиболее частотных) перцептивных и ментальных предикатов стали синтаксически независимыми. Аналогично, нескалярные экскламы (по крайней мере, *кто-*экскламы) могли возникнуть вследствие того, что соответствующие сентенциальные актанты предиката *найти* стали синтаксически независимыми. Кроме того, в рамках гипотезы расподчинения снимается вопрос о том, почему экскламы не могут употребляться в контексте предикатов *восклицать/воскликнуть*.

Гипотеза расподчинения не отвечает, однако, на вопрос о том, откуда появляется восклицательная интерпретация подчиненной клаузы. Можно предположить, что восклицательная интерпретация предложения возникает не от подчиненной клаузы, а первоначально от матричного предиката. Действительно, наиболее частотные грамматические контексты матричных предикатов выражают эмоциональное состояние говорящего и являются восклицаниями в широком смысле: *ты не поверишь, представляешь?, если бы ты знал!* и др.

В заключение повторим, что, несмотря на обилие приведенных в настоящей работе данных, мы видим возможность окончательного подтверждения гипотезы расподчинения в диахроническом исследовании, если такое исследование в принципе возможно.

Л и т е р а т у р а

Вишенкова 2017 — А. С. В и ш е н к о в а. Семантико-синтаксические ограничения и просодические особенности безглагольных восклицательных конструкций русского языка. Дипломная работа / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2017.

Кодзасов 2009 — С. В. К о д з а с о в. Исследования в области русской просодии. М., 2009.

Крейдли 1994 — Г. Е. К р е й д л и н. Об одной лакуне в системе русских местоимений: восклицательные местоимения русского языка // Русистика сегодня. 1994. № 1. С. 56–65.

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева 2010 — Е. В. П а д у ч е в а. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Отв. ред. В. А. Успенский. 6-е изд., испр. М., 2010.

РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Серль 1986 — Дж. С е р л ь. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–194.

Тестелец и Былина 2005 — Я. Г. Тестелец, Е. Г. Былина. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы. Доклад в Институте проблем передачи информации РАН. М., 2005.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.

Abels 2005 — K. Abels. Remarks on Grimshaw's clausal typology // *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 9 / E. Maier, C. Bary, J. Huitink (eds.). 2005. P. 1–15.

Beyssade 2009 — C. Beyssade. Exclamation and presupposition // *MIT working papers in linguistics*. 60 / P. Egge, G. Magri (eds.). 2009. P. 19–34.

Castroviejo 2006 — E. Castroviejo. Wh-exclamatives in Catalan. Barcelona, 2006.

Castroviejo 2008 — E. Castroviejo. Deconstructing exclamations // *Catalan journal of linguistics*. 7. 2008. P. 41–90.

d'Avis 2002 — F.-J. d'Avis. On the interpretation of *wh*-clauses in exclamative environments // *Theoretical linguistics*. 28 (1). 2002. P. 5–32.

Elliott 1974 — D. Elliott. Toward a grammar of exclamations // *Foundations of language*. 11 (2). 1974. P. 231–246.

Evans 2007 — N. Evans. Insubordination and its uses // *Finiteness: theoretical and empirical foundations* / I. Nikolaeva (ed.). Oxford, 2007. P. 366–431.

Gras, Sansiñena 2017 — P. Gras, M. S. Sansiñena. Exclamatives in the functional typology of insubordination: evidence from complement insubordinate constructions in Spanish // *Journal of pragmatics*. 115. 2017. P. 21–36.

Grimshaw 1979 — J. Grimshaw. Complement selection and the lexicon // *Linguistic inquiry*. 1 (2). 1979. P. 279–326.

Gyuris, Mády 2013 — B. Gyuris, K. Mády. Approaching the prosody of Hungarian *wh*-exclamatives // *Papers presented to László Varga on his 70th birthday*. Budapest, 2013. P. 333–349.

Hualde, De Urbana 2003 — J. Hualde, J. De Urbana. A grammar of Basque. Berlin; New York, 2003.

Huddleston 1993 — R. Huddleston. Remarks on the construction “You won't believe who ED has married” // *Lingua*. 91. 1993. P. 175–184.

Kalinina 2011 — E. Kalina. Exclamative clauses in the languages of the North Caucasus and the problem of finiteness // *Tense, aspect, modality and finiteness in East-Caucasian languages (Diversitas linguarum. 30)* / G. Authier, T. Maisak (eds.). Bochum, 2011. P. 161–201.

Kiparsky, Kiparsky 1970 — P. Kiparsky, C. Kiparsky. Fact // *Progress in linguistics* / M. Bierwisch, K. Heidolph (eds.). The Hague, 1970. P. 143–173.

Koenig, Siemund 2013 — E. Koenig, P. Siemund. Satztyp und Typologie // *Satztypen des Deutschen* / J. Meibauer, M. Steinbach, H. Altmann (eds.). Berlin, 2013. P. 846–873.

Lipták 2006 — A. Lipták. Word order in Hungarian exclamatives // *Acta linguistica hungarica*. 53. 2006. P. 343–391.

Michaelis 2001 — L. Michaelis. Exclamative constructions // *Language typology and language universals, An international handbook (vol. 2)* / M. Haspelmath, E. Koenig, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Berlin; New York, 2001. P. 1038–1050.

Mithun 2016 — M. Mithun. How fascinating! Insubordinate exclamations // *Typological studies*. 115 / N. Evans, H. Watanabe (eds.). P. 367–391.

- Nouwen, Chernilovskaya 2012 — R. Nouwen, A. Chernilovskaya. On *wh*-exclamatives and noteworthiness // *Logic, language and meaning*. 2012. P. 271–280.
- Nouwen, Chernilovskaya 2015 — R. Nouwen, A. Chernilovskaya. Two types of exclamatives // *Linguistic variation*. 15 (2). 2015. P. 201–224.
- Ono 2006 — H. Ono. An investigation of exclamatives in English and Japanese: syntax and sentence processing. College Park, MD, 2006.
- Potsdam 2011 — E. Potsdam. Expressing exclamatives in Malagasy // *Nominalizations in Asian languages: diachronic and typological perspectives* / F. Yap, K. Grunow-Hersta, J. Wrona (eds.). Amsterdam and Philadelphia, 2011. P. 659–683.
- Repp 2015 — S. Repp. On the acoustics of *wh*-exclamatives and *wh*-interrogatives effects of information structure and sex of speaker // *Proceedings of the 18th international congress of phonetic sciences*. Glasgow, 2015. P. 1–5.
- Rett 2011 — J. Rett. Exclamatives, degrees and speech acts // *Linguistics and philosophy*. 34 (5). 2011. P. 411–442.
- Sadock, Zwicky 1985 — J. Sadock, A. Zwicky. Speech act distinctions in syntax // *Language typology and syntactic description* / T. Shopen (ed.). Cambridge, 1985. P. 155–196.
- Sæbø 2006 — K. Sæbø. Explaining clausal exclamatives. Presentation at Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt am Main. 2006.
- Sæbø 2010 — K. Sæbø. On the semantics of “embedded exclamatives” // *Studia linguistica*. 64 (1). 2010. P. 116–140.
- Searle 1976 — J. Searle. Austin on locutionary and illocutionary acts // *The philosophical review*. 77 (4). 1976. P. 401–424.
- Siemund 2015 — P. Siemund. Exclamative clauses in English and their relevance for theories of clause types // *Studies in language*. 39 (3). 2015. P. 597–627.
- Villalba 2003 — X. Villalba. An exceptional exclamative sentence type in Romance // *Lingua*. 113. 2003. P. 713–745.
- Visan 2000 — F. Visan. The nature and the status of exclamatives in Chinese. Unpublished materials (University of Bucharest). 2000.
- Yamato 2010 — N. Yamato. The left periphery of Japanese exclamatives // *Studia Linguistica*. 64 (1). 2010. P. 55–80.
- Zanuttini, Portner 2003 — R. Zanuttini, P. Portner. Exclamative clauses: At the syntax-semantics interface // *Language* 79(1). 2003. P. 39–81.
- Zevakhina 2013 — N. Zevakhina. Syntactic strategies of exclamatives // *The journal of Estonian and Finno-Ugric linguistics*. 4 (2). 2013. P. 157–178.
- Zevakhina 2016 — N. Zevakhina. *The hypothesis of insubordination and three types of wh-exclamatives* // *Studies in language*. 40 (4). 2016. P. 765–814.
- Zevakhina, Dainiak 2017 — N. Zevakhina, A. Dainiak. *Russian predicates selecting remarkable clauses: corpus-based approach and Gricean perspective* // *Selected papers from the BRIDGE-14 conference “Bridging Formal and Conceptual Semantics”* / K. Balogh, W. Petersen (eds.). Dusseldorf, 2017. P. 187–208.

Резюме

В статье рассматриваются русские сложноподчиненные предложения с вопросительными местоимениями *какой*, *сколько* и *кто* в подчиненной клаузе, имеющей восклицательное прочтение. На основании анализа совместного частотного распределения матричных предикатов и подчиненных клауз в НКРЯ приводятся кос-

венные свидетельства в пользу гипотезы расподчинения (insubordination hypothesis). Эта гипотеза применительно к восклицаниям заключается в том, что независимые восклицания возникли вследствие расподчинения ряда подчиненных конструкций с вопросительными местоимениями. Таким образом, статья является шагом на пути к подтверждению того, что о подчиненных восклицаниях, во всяком случае, в русском языке, говорить не приходится.

Ключевые слова: восклицание, восклицательная конструкция, косвенный вопрос, косвенное восклицание, синтаксическое расподчинение, синтаксис, корпусное исследование.

Получено 14.01.2018

NATALIA A. ZEVAKHINA

**SUBORDINATE CLAUSES
WITH EXCLAMATIVE INTERPRETATION IN RUSSIAN**

The paper discusses Russian complex sentences with *wh*-words *kakoj*, *skol'ko* and *kto* in subordinate clauses, which have exclamative interpretations. On the basis of joint frequency distribution of matrix predicates and subordinate clauses in the Russian National Corpus, the paper presents evidence for the insubordination hypothesis. With respect to exclamatives, this hypothesis comprises the idea that matrix exclamatives emerged via desubordination of subordinate interrogative clauses. To summarise, the paper supports the view that the phenomenon of subordinate exclamatives is questionable, at least in Russian.

Keywords: exclamative, exclamation, embedded exclamative, embedded interrogative, desubordination, syntax, corpus study.

Received on 14.01.2018